

Анатолий Федорович Кони

Памяти Д. В. Григоровича

(1822--1922)

Кони А. Ф. Воспоминания о писателях.

Сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова

Москва, издательство "Правда", 1989.

OCR Ловецкая Т. Ю.

Конец прошлого и начало нынешнего года ознаменовались всесторонним чествованием Достоевского и Некрасова по случаю 100-летия обоих и 40-летия со смерти первого из них. Однако есть в русской литературе и другие имена, которые не должны быть забываемы в те или другие годовщины. Так, в 1921 году исполнилось 40-летие со смерти выдающегося русского писателя Писемского, во многих отношениях явившегося по характеру и содержанию своего творчества прямым преемником Гоголя. Так, 1 апреля нынешнего года минуло 100 лет со дня рождения Дмитрия Васильевича Григоровича. По яркости художественных образов и силе вдохновения у Некрасова и по глубине анализа душевных состояний у Достоевского сравнивать с ними Григоровича невозможно. Но Некрасов, обращаясь к художнику слова, сказал: "Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан". Какую службу в качестве "гражданина" сослужили России Некрасов как певец "горя народного" и Достоевский как заступник за "униженных и оскорбленных" излишне говорить. Еще большая заслуга признается за Тургеневым. Его "Записки охотника" справедливо считаются одним из первых этапов на пути осознания русским обществом невозможности дальнейшего существования крепостного права. Но именно в этом отношении гражданская заслуга Григоровича несомненно еще выше. Несмотря на горячие строки Радищева, на трогательные указания Пнина, несмотря на многозначительное содержание трех повестей Н. Ф. Павлова, появившихся в 1835 году, русское общество "im Grossen und Ganzen" {В общем и целом (нем.).} не только спокойно *сживалось* с крепостным правом, но и *вживалось* в него, как в необходимую основу всего общественного строя. Упоминая о простом русском человеке или с юмористической стороны (гоголевские дядя Миняй и дядя Митяй) или в виде аксессуара для театральных (представлений, причем в афишах после перечислений действующих лиц подчас упоминались "гости и пейзажи", авторы как бы подражали известному полицейскому возгласу на уличных сборищах: "Публика -- вперед! Народ -- назад!". Тургенев первый показал русского крестьянина, умевшего и при тяжелых условиях крепостной неволи сохранить трогательные черты, нарисовал его душевный облик, берущий за сердце и волнующий читателя. Он заставил последнего невольно задаваться вопросом: всё ли благополучно в судьбе носителя этого привлекательного образа и догадываться, в какие тяжкие условия поставлен "сеятель и хранитель" русской земли, "клейменной,-- по позднему выражению Хомякова,-- игом рабства". Один из русских критиков справедливо замечает, что Тургенев "собрал с крестьянской нивы, где растут чертополох и репейник, только благоуханные цветы и составил из них чудный букет". Но Григорович пошел другим путем. Он окунулся в самую глубину этого ига, нарисовал условия его осуществления и несения, и если Тургенев умел возбудить в мало-мальски отзывчивом коллективном читателе чувства жалости и стыда, то Григорович возбудил чувства печали и гнева. Со своими произведениями, рисующими крепостной быт, Тургенев и Григорович выступили почти одновременно, но цикл "Записок охотника", начавшийся печатанием в 1846 году ("Хорь и Калиныч"), закончился лишь к 1849 году, тогда как в 1846 и 47 годах уже появились повести Григоровича "Деревня" и "Антон Горемыка", произведшие глубокое впечатление. Недаром Белинский, стесняемый цензурными условиями, писал по поводу последнего произведения: "Эта повесть трогательная, по прочтении которой в голову невольно теснятся мысли *грустные и важные*", весьма ясно давая понять, о чем и о каком невыносимом порядке вещей говорят эти мысли. Недаром, вспоминал Салтыков-Щедрин, что Антон Горемыка вызывает "первые разумные слезы человечности".

Значение заслуги Григоровича характеризуется и отношением к нему цензуры. Благодушно пропускавшая отдельные очерки из "Записок охотника" и лишь впоследствии спохватившаяся, когда они были собраны воедино, цензура неминуемо запретила бы "Антон Горемыку", не сумей цензор Никитенко убедить автора переделать конец и обратить героя из доведенного до отчаяния мстителя в идущего в Сибирь ссыльного. Подозрительное отношение к Григоровичу, вероятно, под влиянием запоздалого сознания значения его двух повестей продолжалось и в первой половине пятидесятых годов. Для пропуска его "Проселочных дорог" -- большого бытового романа с оригинальным отсутствием любовной интриги -- ему было предъявлено требование вставить целую страницу с указанием на совершенно